ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 9 | 2026. Volume 19. Issue 9
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Особенности объективации концепта «аталычество» в карачаево-балкарской этнокультуре

Башиева С. К., Бахтикиреева У. М.

Аннотация. Цель исследования – определить содержание концепта «аталычество» в этнической культуре карачаевцев и балкарцев. Под аталычеством понимается уникальный древний обычай установления искусственного родства, проявлявшегося в передаче младенца в чужую семью на воспитание до достижения им совершеннолетия и во вскармливании ребенка женщиной в роли молочной матери ‘аналык’. Научная новизна работы заключается в том, что данный социальный феномен впервые в гуманитарной науке изучен как культурный концепт, включающий совокупность лексических, фразеологических, паремиологических репрезентантов, объективирующих в этнокультурной парадигме карачаевцев и балкарцев значимые в традициях народа «сгустки смыслов» молочного родства, выходящего за границы родства по крови и браку. В результате анализа эмпирических материалов, извлеченных из лексикографических, фразеографических, фольклорных, этнографических источников, представлена полевая модель концепта «аталычество», в рамках которой определены его ядро ‘аталык’ в значениях ‘отцовство’, ‘лицо, выполняющее роль отца’, ближняя периферия, состоящая из фразеологизмов, терминов молочного родства с когнитивными признаками ‘воспитание’, ‘характер родства’, ‘грудное вскармливание’, дальняя периферия, представленная языковыми единицами с когнитивными признаками ‘отношения’, ‘древний’, ‘напутствие’. Выявлены культурные смыслы ‘сакральность грудного молока’, ‘воспитание’, ‘нерушимость установившихся связей между семьями’, ‘наставление’, которые выступают механизмами трансляции таких ценностных доминант, как долг, уважение, честь, верность, а также инструментами объединения, укрепления, взаимного покровительства двух семей.

EN

Features of the objectification of the concept of “atalychestvo” in the Karachay-Balkar ethnic culture

S. K. Bashieva, U. M. Bakhtikireeva

Abstract. The purpose of the study is to determine the content of the concept of “atalychestvo” (fosterage) in the ethnic culture of the Karachays and Balkars. The term “atalychestvo” refers to the unique ancient custom of establishing artificial kinship, which manifested itself in the transfer of a baby to someone else’s family for upbringing until he reached adulthood and in the feeding of a child by a woman in the role of a foster mother ‘analyk’. The scientific novelty of the work lies in the fact that this social phenomenon has been studied for the first time in the humanities as a cultural concept, encompassing a set of lexical, phraseological, and paremiological representatives that objectify in the ethnocultural paradigm of the Karachays and Balkars significant “clusters of meanings” related to milk kinship, which transcends the boundaries of kinship by blood and marriage. As a result of the analysis of empirical materials extracted from lexicographic, phraseographic, folklore, and ethnographic sources, a field model of the concept “atalychestvo” is presented, within which its core ‘atalyk’ is defined in the meanings of ‘fatherhood’, ‘a person performing the role of a father’, and the near periphery consisting of phraseological units, terms of milk kinship with the cognitive features ‘upbringing’, ‘kinship relations’, ‘ancient’, and ‘parting words’. The cultural meanings identified include ‘sacredness of breast milk’, ‘upbringing’, ‘inviolability of established ties between families’, and ‘guidance’, which serve as mechanisms for transmitting such value-based dominants as duty, respect, honor, and loyalty, and as tools for uniting, strengthening, and mutually protecting two families.

Введение

В карачаево-балкарской этнокультуре в прошлом особое место занимало аталычество – одна из древних форм народной системы воспитания, утратившая свою актуальность после Октябрьской революции, но по настоящее

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260452

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

время привлекающая внимание ученых – преимущественно историков и этнографов. Оно функционировало не только на Кавказе, где обосновалось как обычай почти во всех горских обществах, но и в Казахском, Ногайском, Крымском и Казанском ханствах. По мнению Н. А. Атыгаева (2021, с. 10), институт аталычества как один «из важных государствообразующих элементов в Казахском ханстве XV-XVII вв.» существовал во многих средневековых тюрко-монгольских государствах, в которых аталык занимался воспитанием наследников престола. Передача ребенка в другую семью у казахов имела элитарный характер, так как аталык был наставником при дворе хана (Атыгаев, 2021, с. 10). Такой же статус он имел в Крымском ханстве, который «зиждился исключительно на личной преданности и привязанности воспитателя и воспитанника» (Беляков, Виноградов, Моисеев, 2017, с. 412). Наиболее актуальным обычай аталычества был на Северном Кавказе, о чем свидетельствует следующая оценка, которую дал М. М. Ковалевский в 1886 году: «Едва ли какой другой горский обычай так известен в России, как аталычество» (Ковалевский, 1886, с. 313). Он одним из первых отечественных ученых обратил внимание на «странный обычай», состоящий в том, «что новорожденный не остается в доме родителей, а отдается на попечение в чужое семейство» (Ковалевский, 1890, с. 15). Этнограф М. О. Косвен утвердил понимание аталычества как классового явления, потому что князья отдавали своих детей на воспитание в семьи неимущих. При этом исследователь отмечал, что аталыками становились и в случаях насильственного похищения ребенка по различным мотивам, но прежде всего имел место политический мотив или мотив укрепления статуса князя (Косвен, 1935, с. 55). Позже он определил аталычество как пережиток авункулата (Косвен, 1948). Заслуга М. А. Косвена (1935, с. 55) состоит в том, что свои выводы он сделал на основе полевых материалов, собранных на Кавказе в течение нескольких лет во время экспедиций. Гипотеза М. О. Косвена была поддержана А. М. Ладыженским. Им были расширены факторы, определявшие истоки аталычества: 1) формирование феодализма в горских обществах; 2) отсутствие времени у феодалов на воспитание детей в связи с постоянными походами; 3) необходимость союзников, особенно в замкнутых географических пространствах (Ладыженский, 2003). Работы М. М. Ковалевского, М. О. Косвена и А. М. Ладыженского в совокупности заложили научную основу изучения аталычества как социального института на Северном Кавказе.

Письменные сведения об аталычестве карачаевцев и балкарцев сохранились в работе «Балкария» М. Абаева, опубликованной в 1911 году в журнале «Мусульманин». По мнению автора исторического очерка, обычай был основан «на понятии, по которому для жен таубиев считалось стыдом кормить своих детей грудью своей и с 1-го же дня рождения детей отдавали на воспитание-кормление в дом своих подчиненных, где имелись женщины с новорожденными детьми» (Абаев, 1992, с. 18). К. Г. Азаматов отмечает, что вначале аталыками «воспитателями» являлись представители одного сословия, и «отдача детей в чужую семью на воспитание таубиями (горскими князьями) сохранялась до 1917 года» (1968, с. 92-93).

Как показал анализ научных источников по кавказской модели аталычества, носившей массовый характер в регионе, большинство исследователей видят в нем прежде всего социальный институт воспитания (Гугова, 2017; Курданова, Сарбашева, Каирова, 2020; Хачетлова, Кулимова, 2022; Болурова, Батчаев, Гагуев, 2025). В этой связи Р. Р. Аветисян (2004, с. 3) предполагает, что «положительный опыт народной педагогики может и должен быть использован в современных условиях организации образовательной и воспитательной практики», и в качестве перспективы дальнейшего изучения аталычества предлагает провести междисциплинарные исследования социологами, этнографами, историками, педагогами. Принимая во внимание безусловную востребованность рекомендации, отметим, что аталычество представляет значительный интерес и для филологов. Однако и языковеды, и литературоведы, и фольклористы отдают предпочтение его педагогическому аспекту. Между тем оно имеет богатое содержание в качестве культурного концепта, что усиливает важность исследования обычая искусственного родства как устоявшегося способа взаимоотношений семей, родов, моделей их поведения. Полагаем, что изучение аталычества как ментальной единицы, в которой интегрированы языковые и культурные компоненты, обладающие ценностной информацией, значимо не только в педагогическом, социальном, этнографическом, но и в лингвокультурологическом, когнитивно-семантическом, этнолингвистическом планах.

Актуальность исследования аталычества для современного языкознания обусловлена, на наш взгляд, повышенным интересом отечественных ученых в последние десятилетия к исследованию языка в неразрывной связи с этническими культурами, особенно с культурами малочисленных народов, что диктует необходимость описания аталычества как этнографического явления в терминах лингвистики и выявления его ценностных смыслов, в которых закреплен опыт древнего социального взаимодействия карачаевцев и балкарцев, сохранившийся на сегодняшний день только в пассивном запасе языка (лексических единицах, некоторых фразеологизмах и пословицах).

Отметим также и то, что аталычество как форма устойчивого долгосрочного доброжелательного взаимодействия семей, родов может быть реанимировано хотя бы в общих чертах в качестве одного из действенных механизмов гармонизации отношений людей в современном обществе. Примеры возрождения куначества – другого древнего социального института искусственного родства, основанного на взаимных обязательствах двух мужчин, – как востребованного временем этнокультурного символа наблюдаются в последнее время в некоторых республиках Северного Кавказа в формате молодежных инициатив.

Именно данные факторы обусловили выбор темы настоящей статьи. В пользу такого решения говорят и статичные характеристики аталычества – этноспецифичность, локальная вариативность, устойчивость, преемственность, лингвокультурная инициация, нормированность и др., благодаря которым обычай молочного родства сохранился в культурной памяти народа.

Реализация указанной выше цели с опорой на методологический подход Ч. К. Ламажаа (2023) предполагает решение следующих задач, отражающих этапы работы над темой: 1) осуществить сбор и систематизацию вербальных репрезентантов; 2) провести полевую стратификацию концепта; 3) определить его культурные смыслы и интерпретировать их. Для их выполнения использован комплекс методов: 1) метод сплошной выборки, дефиниционный анализ – при сборе эмпирических материалов, их систематизации; 2) метод полевого моделирования – при построении структуры концепта; 3) описательный метод, лингвокультурологический анализ – для интерпретации этнокультурной специфики вербальных репрезентантов, культурных смыслов концепта; лингвокогнитивный анализ – для выявления когнитивных признаков.

Таким образом, междисциплинарный подход позволит построить концептуальную модель аталычества в карачаево-балкарской культуре в трех аспектах: вербальном, лингвокультурном, социальном. Использование его в предыдущих работах показало эффективность системного описания другого культурного концепта региона (Башиева, 2026).

Объектом исследования является концепт «аталычество», предметом – специфика объективации его содержания в карачаево-балкарской этнической культуре.

Эмпирический материал извлечен из словарей, сборников пословиц и поговорок (Къарачай-малкъар нарт сёзле, 2005; 2018), морально-этического кодекса «Ёзден адет» (2005).

Теоретической базой исследования послужили работы М. М. Ковалевского (1886; 1890), М. О. Косвена (1935; 1961), А. М. Ладыженского (2003), Я. С. Смирновой (1989), К. Г. Азаматова (1968), С. Ш. Гаджиевой (1995), М. Б. Гимбатовой, М. К. Мусаевой (2018), М. Д. Боташева (2001), Р. Р. Аветисян (2004), Л. А. Гуговой (2017), А. Н. Болуровой (2020), М. И. Баразбиева, Х. К. Геграева (2025), в которых изучены вопросы происхождения, содержания аталычества, его исторические формы, эволюция, роль в общественной жизни, воспитании детей в чужих семьях в контексте традиционных культур народов Кавказа, в том числе балкарцев и карачаевцев. Однако существующие научные исследования не создают полную картину обычая аталычества, что обусловлено тем, что «кавказское аталычество исчезло из жизни и тем в весьма значительной мере исчезли возможности восполнения конкретных о нем данных и нового его историко-этнографического исследования» (Косвен, 1961, с. 125). Данный фактор предопределил включение концепта «аталычество» в не исследованный до сих пор лингвокультурологический контекст.

При работе над темой статьи мы также опирались на такие ключевые определения концепта, как «комплексная мыслительная единица» (Попова, Стернин, 2001); «культурно отмеченный вербализованный смысл» (Воркачев, 2003), «сгусток культуры в языковом сознании человека» (Степанов, 1997).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что исследование расширяет научное поле аталычества как компонента концептуальной матрицы карачаево-балкарской этнической культуры, которую можно использовать в качестве модели культурно-языковой интерпретации искусственного молочного родства при изучении других локальных вариантов в регионе.

Полученные результаты, полагаем, найдут практическое применение при преподавании дисциплин «Лингвокультурология», «Теория номинации», «Когнитивная лингвистика», а также при подготовке учебных пособий, методических рекомендаций.

Обсуждение и результаты

Данная работа является первым опытом описания концепта «аталычество» – ментальной совокупности национально-специфичных значимых смыслов молочного родства – как результата цикличного акта: отдача кровными родителями ребенка в чужую семью – воспитание – возвращение в родную семью взрослым. Центральную роль в этом акте играла *эмчек ана* ‘молочная мать’, которая из чужого делала своего.

На начальном этапе в соответствии с методикой полевого моделирования концепта рассмотрены словарные дефиниции ключевой лексемы *ата* и ее деривата *аталыкъ* в древнетюркском словаре (2016), Опыте словаря тюркскихъ наръчій (Радлов, 1893), карачаево-балкарско-русском словаре (Гочияева, Суюнчев, 1989), карачаево-балкарском толковом словаре (1996; 2002; 2005), кумыкско-русском словаре (2011), русско-карачаево-балкарском словаре (1965), этимологическом словаре тюркских языков (Севортян, 1974).

1. *Ата* – отец, предок, предшествующее поколение (Къарачай-малкъар тилни…, 1996, с. 215). Лексема используется в большинстве тюркских языков; фонетические варианты – *ада* (тувин.), *ота* (узб.). По мнению К. М. Мусаева, «слово это, как и многие названия старших родственников, по-видимому, так называемого лепетного происхождения. Так называли его дети и жены. В большинстве тюркских языков конкретное терминологическое его значение – ‘отец, прямой родитель сына и дочери’. В этом значении слово наиболее употребительно. Помимо этого, ata имеет и более широкое значение: ‘родитель’, ‘старшие родители’, ‘предки по мужской линии’. В ряде языков слово имеет значение ‘дед’, а в некоторых параллельно используются оба значения» (Мусаев, 2006, с. 537).

2. *Аталыкъ* / *аталык* (ата + лыкъ/лык) – отцовство; лицо, выполняющее роль отца (Древнетюркский словарь, 2016, с. 71): 1) все, что касается отца: отцовская власть, любовь, величание по отцу; 2) попечитель, воспитатель; 3) сановник, высокопоставленный чиновник (Радлов, 1893, с. 449-456). В карачаево-балкарских лексикографических источниках лексема *аталыкъ* представлена в значениях 1) отцовство, положение отца; 2) отчим; неродной отец; 3) *ист.* аталычество, опека; 4) подарки, даримые невестой свёкру (Къарачай-

малкъар тилни…, 1996, с. 219); I. 1) отцовство, положение отца; отчим, неродной отец, опекун; II *ист.* аталычество, опека (Гочияева, Суюнчев, 1989, с. 87); опека; отцовство (Русско-карачаево-балкарский словарь, 1965, с. 367, 395). Лексема *аталыкъ* как термин искусственного родства в аналогичных значениях зафиксирована и в кумыкско-русском словаре (2011, с. 35): 1) отцовство, положение отца; 2) отчим, неродной отец; опекун; в) *этн.* свадебный подарок отцу жениха от невесты; 3) *ист.* аталычество, опека. М. И. Баразбиев, Х. К. Геграев отмечают, что «термин “аталык” по смыслу был больше применим к воспитателям мужского пола» (2025, с. 183).

Таким образом, слово *аталыкъ* репрезентирует не только биологическое, но и искусственное родство. Оно является производящей основой слова *аталычество,* которое образовано по модели русского языка «имя существительное + суффикс -еств-» в значениях ‘отцовство’, ‘искусственное родство’, актуально как этнографический термин не только в тюркских, но и в других языках, например, в кабардино-черкесском языке используется фонетический вариант *атэлыкъ* в значении ‘воспитатель’ (Апажев, Коков, 2008, с. 27).

Номинативное поле концепта «аталычество» состоит из ядерной и периферийных зон, связанных различными смысловыми отношениями, репрезентированными лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами. На основе словарных дефиниций в качестве ядра исследуемого концепта определена ключевая лексема *аталыкъ* в значениях ‘отцовство’, ‘лицо, выполняющее роль отца’.

В ближнюю периферию входят: 1) устойчивые сочетания с когнитивным признаком ‘воспитание’: *аталыкъгъа бериу* ‘отдача аталыку на воспитание’, ‘отдача в аталычество’, *аталыкъ этерге* ‘воспитывать, опекать как отец’, *аталыкъ этиу* ‘воспитание, опека как отец’, *эмчекге берирге* ‘отдавать ребенка на воспитание в чужую семью’ (букв. отдать на грудное вскармливание), *эмчек алыргъа* ‘брать чужого ребенка на воспитание’ (букв. брать для грудного вскармливания); 2) этнографические термины с когнитивным признаком ‘характер родства’: *эмилдеш* ‘молочный брат’, ‘молочная сестра’, *эмилдешле* ‘молочные братья (сестры)’, *эмилдеш ана* ‘молочная мать’, ‘кормилица’, *эмчек эмилдешле* ‘молочные родственники’, *эмчек ана* ‘молочная мать’, ‘кормилица’ (букв. грудная мать), *эмчек ата* ‘молочный отец’, *эмчек жаш* ‘молочный сын’ (букв. грудной сын), *эмчек къарындаш* ‘молочный брат’ (букв. грудной брат), *эмчек къыз* ‘молочная дочь’ (букв. грудная дочь), *эмчек улан* ‘молочный мальчик’ (букв. грудной мальчик), *эмчек эгеч* ‘молочная дочь’ (букв. грудная сестра) (Къарачай-малкъар тилни…, 2005, с. 1072-1073; Гочияева, Суюнчев, 1989, с. 85); *къан эмчек асырау,* обозначающий обычай «воспитания кровника» как разновидность аталычества (Боташев, 2001, с. 20); *сют ана* ‘молочная мать’, ‘кормилица’, *сют эгеч* ‘молочная сестра’, *сют эмилдешле* ‘молочные родственники кормилицы’ (Къарачай-малкъар ангылатма сёзлюк, 2005, с. 306, 1072); *ёз ата, туугъан ата* ‘родной отец’, *ёз ана, туугъан ана* ‘родная мать’; 3) словосочетания с когнитивным признаком ‘грудное вскармливание’, в которые входит лексема *эмчек* в значениях ‘сосок’, ‘грудь’ от тюркского *эм* ‘сосать’ (грудь, соску): *эмчек тартхан* ‘сосущий грудь’ (букв. тянущий сосок), *эмчек ичген сабий* ‘грудной ребенок’ (букв. ребенок, сосущий грудь). Ср.: *эмчек этмек* ‘воспитывать кого’; ‘опекать кого’ (букв. сделать грудным); *эмче кэтив* ‘воспитание’; ‘опека’, ‘опекунство’; *эмчек анна* ‘кормилица’; *эмчек аталыкъ* ‘молочный отец’; *эмчек къыз къардаш* ‘молочная сестра’; *эмчек къардаш* ‘молочный брат’ в кумыкском языке (Кумыкско-русский словарь, 2011, с. 30, 35, 171, 358).

Фонетический вариант *аемцек* лексемы *эмчек* используется и в осетинском языке. Он обозначает, как утверждает В. И. Абаев, «в широком смысле родство, возникающее на основе аталычества между двумя семьями, отдающей и берущей ребенка на воспитание», «в более узком смысле аемцек может значить «молочный брат», или «воспитатель», или (в дигорском) «воспитанник» (1958, с. 143). Однако автор не указывает на происхождение *аемцек* от общетюркского слова *эмчек* (варианты *емізік* – казах., *etzik* – турец., *эмжек* – турк., *эмиг* – тув., *имҷек* – хакас., *ĕмкĕч* – чуваш., *эмиийэ* – якут.), означающего, как было отмечено выше, ‘сосок’, ‘грудь’, что соотносится с сутью аталычества. Э. В. Севортян пишет, что во всех источниках *ем-* имеет значение «кормиться (грудью матери)», в переносном значении – «впитывать» (1974, с. 271).

В дальнюю периферию включены языковые единицы с когнитивным признаком ‘отношения’: *аталыкъ-аналыкъ* ‘родительское отношение’, ‘родительские заботы’, *бир-бирин аналыкъ-балалыкъ этип турадыла* ‘относятся друг к другу как мать и дитя’; с когнитивным признаком ‘древний’: *аталадан келген, къалгъан* ‘потомственный’ (букв. то, что пришло, осталось от отцов), *жети атадан бери* ‘испокон веков’ (букв. от седьмого предка), *жети атагъа дери* ‘до седьмого поколения’ (букв. до седьмого отца (предка); с когнитивным признаком ‘напутствие’: *ата-ананы разылыгъы* ‘родительское благословение’.

На основе анализа эмпирических материалов в исследуемом концепте определены такие культурные смыслы, как сакральность грудного молока, воспитание, нерушимость установившихся связей между семьями при любых обстоятельствах, наставление.

Сакральность грудного молока. Молоко в концепте «аталычество» является не только продуктом для кормления воспитанника, но и, по представлениям карачаевцев и балкарцев, символом жизненной силы, судьбы, ума, ниспосланными Всевышним. В этнокультуре существует убеждение в том, что с молоком к ребенку приходят: 1) *къадар* ‘судьба’: *Аллахдан берилген къадар сабийни къанына сют бла ётеди* ‘судьба, данная аллахом, проникает в кровь ребенка с молоком’; 2) *акъыл* ‘ум’: *анасыны сютю бла кирмеген акъыл суу бла кирмез* ‘ум, не вошедший в ребенка с молоком, не войдет с водой’, формируется *хал* ‘поведение, характер’: *сют бла кирген хал, жан бла чыгъады* ‘характер, вошедший с молоком, выходит с душой’. Таким образом, с раннего возраста культивируются такие черты, как самообладание, ответственность, честь, толерантность, эмоциональная устойчивость и т. д.

С сакральностью молока в обычае аталычества связан ряд запретов, выраженных в карачаево-балкарском языке лексико-фразеологическими единицами *эмчек ана* ‘молочная мать’, паремиологической единицей

анасыны сютюн харам этерге ‘осквернить молоко’. Выше мы рассмотрели компонент *эмчек* ‘грудь, сосок’, используемый в тюркских языках в составе терминов искусственного родства. Он указывает не столько на источник питания, сколько на ритуал вступления в родство лиц не по крови. Ребенок, отданный в чужую семью, впитав молоко *эмчек ана* (молочной матери), становился ее молочным ребенком *(эмчек жаш, эмчек къыз)*. Более того, все члены семьи аталыка являлись молочными родственниками, что предусматривало определенные ограничения, зафиксированные в адате (обычном праве), в частности недопущение брачных отношений между молочными родственниками, исключение свиданий, встреч родных с ребенком, отданным в чужую семью, до окончания цикла действий, входящих в обычай аталычества. Как отмечает К. Г. Азаматов, «с момента отдачи сына на воспитание до самого возвращения домой родители не видели его. При случайных встречах отец и мать, по обычаю, делали вид, что не узнают своего ребенка» (1968, с. 93). То есть *эмчек* ‘воспитанник’ находился в «изоляции от родной семьи», что Я. С. Смирнова определяет как «психологический механизм сближения воспитанника с семьей аталыка» (1989, с. 220). Другой запрет связан с жестким общественным порицанием недостойного поведения *эмчек жаш* ‘молочного сына’, воспринимаемого как осквернение, нарушение святости молока: *анасыны халал сютюн харам этди* (букв. сделал чистое молоко матери грязным). В данной устойчивой фразе подчеркивается амбивалентный характер материнского молока путем противопоставления слов *халал* ‘дозволенный, (разрешенный) религией; чистый, неосквернённый’ и *харам* ‘недозволенный, запрещенный религией (о еде)’. В ситуациях недружелюбия, бестактности, предательства воспитанника молочная мать могла ему напомнить о *сют юлюш,* то есть о молоке, которое она делила между своим младенцем и воспитанником. С этой целью *эмчек ана* (молочная мать) использовала различные вербальные средства: перформативные конструкции *санга ичирген сютюм бла тилейме, берген сютюм бла тилейме* ‘прошу молоком, которым я тебя вскормила’, ‘прошу молоком, которое я тебе давала’; при отсутствии реакции воспитанника – речевую формулу-зложелание: *санга ичирген сютюм харам болсун* ‘пусть молоко, которым я тебя вскормила, будет не впрок’. Глубинный смысл проклинающего оптатива состоит в том, что впитанное воспитанником молоко нельзя лишать святости, делать греховным, так как именно благодаря его священности ребенок получает *къут* ‘жизненную силу’ и сакральную защиту от недобрых сил, в том числе и от проклятий.

Воспитание. Для родителей, отдававших ребенка в чужую семью, такой формат его взращивания представлялся целесообразным. Предполагалось, что у аталыка ребенок вырастет неизбалованным, хотя, по этнокультурным нормам карачаевцев и балкарцев, родной отец не имел права проявлять свои чувства. Ключевыми участниками воспитательного процесса являлись наставники, роль которых выполняли *эмчек ата* ‘молочный отец’, *эмчек ана* ‘молочная мать’, и сам *эмчек* ‘воспитанник’. Установившаяся между ними связь, как было подчеркнуто выше, была священной. Сакрализация молока предусматривала конвенциальные нормы поведения воспитанника, поэтому *эмчек ана* ‘молочная мать’ транслировала ему важные ценности, культурный и социальный опыт, приобщала его к традициям, обычаям. Основными элементами воспитания являлись военное искусство *‘саууут-саба жюрютген’*, верховая езда на коне *‘атда жюрюген’*, уход за животными *‘маллагъа къарагъан’* (для мальчиков), шитье *‘кийим тикген’*, приготовление пищи *‘аш этген’*, уборка в доме *‘юйню тизгинин жыйгъан’*, стирка *‘быстыр жуугъан’,* вязание *‘эшиу’* и т. д. (для девочек), а также правила этикетных отношений, зафиксированные в *тау адет* ‘горский обычай’, танцы *‘тепсеу’*, пение *‘жырлау’*. Как отмечают А. Н. Болурова, А. А. Батчаев и М. С. Гагуев, «даже в случае воспитания ребенка из аристократической семьи воспитатели стали уделять значительное внимание не только этикету и военным навыкам, но и приобщению его к труду» (2025, с. 133).

Нерушимость молочного родства. Она базируется на требованиях к аталыку и молочному сыну. Как пишет А. Н. Болурова, «воспитатели должны были иметь хорошую репутацию, знать народные и военные обычаи, а хозяйка в доме воспитателя должна быть хорошей, строгой и умной матерью, экономной домохозяйкой и т. д.» (2020, с. 5). Воспитанник должен был хранить честь рода аталыка, соблюдать морально-этические нормы, уважать молочного отца при любых обстоятельствах: *эмчек атанг аман болса да, сыртынга олтурт* ‘если даже молочный отец плохой, посади его на свою спину’, то есть уважай его. «Воспитанник, возвратившийся к своим родителям, – отмечает М. О. Косвен, – сохранял и после того весьма близкие отношения со своим воспитателем, его семьей и всем его родом. Более того, отношения и связь с группой, в которой он воспитывался, считались выше, значительнее, чем отношения родственные, считались особо священными» (1961, с. 109).

Нерушимость как культурный смысл воплощает в себе такие когнитивные признаки, как стабильность, бескорыстие, взаимность, душевную близость, актуальные для сохранения долговременных отношений между эмчеком и аталыком.

Наставление. Так как культура любого народа детерминирована обществом, которое диктует правила отношений в нем, в исследуемом концепте в качестве конструктивных механизмов аталычества (социального контроля, социальной регуляции) нами выделены *насийхатла* – наставления, выраженные устойчивыми языковыми средствами, репрезентирующими, как правило, совет: *аталыкъны сайлай бил, сайласанг а сыйлай бил* ‘выбирай наставника (аталыка) осознанно, а если выбрал, то умей его уважать’; *кесинге базынмай эсенг, эмчек улан тутма* ‘если не уверен в себе, не бери молочного мальчика’, *иги ышанмагъан юйюрге сабийинги берме* ‘не отдавай ребенка в семью, если не уверен в ее надежности’; *кесинги налатдан сакъла* ‘огради себя от позора’; *аталыкъ болсанг, къаты бол, эмчек ана болсанг, татлы бол* ‘если станешь аталыком, будь строгим, если станешь молочной матерью, будь мягкой; *эмчек жуукълукъну жети атагъа дери бузмагъыз* ‘не нарушайте молочное родство до седьмого колена’; *эмчек анангы сыйламай, гюнах алма* ‘не бери грех за непочтительное отношение к молочной матери’; *аталыкъны къартлыгъында унутма* ‘не забывай аталыка в его старости’. Эти и другие

наставления как нормативные суждения направлены на упреждение религиозных, социальных, правовых, экономических санкций, сакральным обоснованием которых, безусловно, служат представления о неминуемых наказаниях, общественном порицании вплоть до изгнания из общины. Ключевым нормативным принципом является брак между молочными родственниками, как было указано выше. Осквернителем молока является также нарушение клятвы, данной воспитанником.

В приведенных наставлениях отражены желаемые коммуникативные стратегии, правила взаимодействия воспитанника и семьи аталыка с учетом их социальных ролей. Вербализаторами лингвокультурной регулятивной функции в концепте ‘аталычество’ являются императивные формы глаголов *бил* ‘знай’, *бол* ‘будь’, *сакъла* ‘сохрани’, *бузма* ‘не нарушай’, *алма* ‘не бери’, *унутма* ‘не забывай’, придающие наставлениям тональность категоричности, обязательности исполнения. Их выбор продиктован социальными ролями «эмчек», «аталыкъ».

Культурные смыслы наставлений обусловлены тем, что в них объективирована равнозначность молочного искусственного родства и кровного родства, основанного на происхождении от общего предка, зафиксированы такие ценностные доминанты, как ответственность, забота, долг, верность и т. д., предопределенные непреходящей сакральной связью между аталыком, молочной матерью, их детьми и воспитанником на основе священности грудного вскармливания. Верность воспитанника роду аталыка репрезентирована в пословицах *сют къанча ёмюрлюкдю* (букв. молоко, как и кровь, вечно); *эмчек атаны намысы ёмюрлюкдю* ‘авторитет молочного отца вечен’. Таким образом, социальная регуляция как итог реализации обычая искусственного родства вплетена в содержание концепта «аталычество» в качестве обязательной составляющей. Она объективирована вербальными наставлениями для воспитанника и воспитателя – носителей этнокультурных норм.

В совокупности все рассмотренные культурные смыслы концепта «аталычество» отражают один из важнейших фрагментов картины мира карачаевцев и балкарцев.

В целом понятийное содержание концепта «аталычество» определяется в значениях ‘отцовство’, ’лицо, выполняющее роль отца’. При этом его когнитивная структура включает такие признаки как ‘воспитание’, ‘характер родства’, ‘грудное вскармливание’, ‘отношения’, ‘древний’, ‘напутствие’. В свою очередь, культурные смыслы расширяют его информационную, интерпретационную границы через сакрализацию молока, нерушимость молочного родства, пожизненную связь двух семей, через наставления, в которых установлены границы дозволенного и недозволенного.

Заключение

Проведенное исследование позволило выйти за пределы этнографического, педагогического описаний аталычества и впервые рассмотреть его как концепт, представляющий собой уникальную модель взаимосвязи языка и культуры. В результате сформулированы следующие выводы.

В концепте «аталычество» нашли воплощение лингвокультурные особенности осмысления, обобщения традиции передачи ребенка в другую семью для воспитания, выраженные лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, устойчивыми речевыми формулами (просьба, проклятие, совет и т. д.), что является показателем высокой степени его номинативной плотности, актуальности, непреходящей ценностной значимости.

Ключевые термины *аталыкъ, эмчек* стали инструментами для междисциплинарной работы, в которой этнографический акт выступает как культурный базис лингвистического исследования, а богатый арсенал взаимосвязанных вербальных репрезентантов, культурных смыслов, когнитивных признаков отражает этнокультурную многомерность, специфичность, мировоззренческий потенциал концепта.

В перспективе, на наш взгляд, следует верифицировать полученные данные путем проведения ассоциативного эксперимента, выявить наличие или трансформацию вербальных репрезентантов в лексиконе современных носителей не только карачаево-балкарской этнической культуры, но и культур других народов Северного Кавказа.

Материалы исследования | Research materials

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. –Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1958. Т. 1. А-К.
2. Апажев М. Л., Коков Дж. Н. Кабардино-черкесско-русский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2008.
3. Гочияева С. А., Суюнчев Х. И. Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева, Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989.
4. Древнетюркский словарь. Изд-е 2-е, пересмотр. / под ред. Д. М. Насилова, И. В. Кормушина и др.; сост. Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин, И. В. Кормушин и др. Астана: Ғылым баспасы, 2016.
5. Ёзден адет: этический кодекс карачаево-балкарского) народа / сост., предисл. и ком. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005.
6. Кумыкско-русский словарь / под ред. Б. Г. Бамматова. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011.
7. Къарачай-малкъар нарт сёзле / сост. М. Табаксоев. Нальчик: Эльбрус, 2018.
8. Къарачай-малкъар нарт сёзле / сост. Х.Ч. Джуртубаев. Нальчик: Эльбрус, 2005.

9. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю: ючтомлукъ / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. I. А-Ж.
10. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю: ючтомлукъ / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. II. З-Р.
11. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю: ючтомлукъ / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа. 2005. Т. III. С-Я.
12. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. 1. Ч. 1.
13. Русско-карачаево-балкарский словарь / под ред. Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева. М.: Советская энциклопедия, 1965.
14. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974.

Источники | References

1. Абаев М. К. Исторический очерк: Балкария. Нальчик: Эльбрус, 1992.
2. Аветисян Р. Р. Аталычество как система воспитания горских народов Северного Кавказа: автореф. дисс. … к. пед. н. Владикавказ, 2004.
3. Азаматов К. Г. Социально-экономическое и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1968.
4. Атыгаев Н.А. Аталыки и институт аталычества в Казахском ханстве // Gumilyov Journal of History. 2021. № 3 (136).
5. Баразбиев М. И., Гераев Х. К. Литературное творчество Исмаила Абаева (Измаил-Бея) как источник по этнографии балкарцев (по материалам газеты «Вольный горец») // Электронный журнал «Кавказология». 2025. № 3.
6. Башиева С. К. Концепт тау ‘гора’ в традиционной культуре карачаево-балкарцев: словоформы, идеи, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. 2026. № 1.
7. Беляков А. В., Виноградов А. В., Моисеев М. В. Институт аталычества в постзолотоордынском мире // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 2.
8. Болурова А. Н. Аталычество в общественной жизни карачаевцев и балкарцев // Кронос: Общественные науки. 2020. № 1 (18).
9. Болурова А. Н., Батчаев А. А., Гагуев М. С. Трансформация института аталычества и его воспитательной роли в карачаево-балкарском обществе к началу XX века // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 4.
10. Боташев М. Д. Искусственное родство у карачаевцев (XIX-XX вв.): автореф. дисс. … к. ист. н. М., 2001.
11. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. 2003. Т. 17. № 2.
12. Гаджиева С. Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане (VIII – нач. XX вв.). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995.
13. Гимбатова М. Б., Мусаева М. К. Институт аталычества у народов Дагестана в XIX – начале XX веков: формы и локальные особенности // Научный диалог. 2018. № 12.
14. Гутова Л. А. Обычай аталычества: обряд и фольклор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-1 (76).
15. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе: в 2 т. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1890. Т. 1.
16. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон: обычное право осетин в историко-сравнительном освещении: в 2 т. М.: Типография В. Гатцук, 1886. Т. 1.
17. Косвен М. О. Авункулат // Советская этнография. 1948. № 1.
18. Косвен М. О. Аталычество // Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1961.
19. Косвен М. О. Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2.
20. Курданова Х. М., Сарбашева З. М., Каирова Р. Б. Влияние института аталычества на воспитание будущего поколения в обществе // Педагогический журнал. 2020. Т. 10. № 5А.
21. Ладыженский А. М. Адаты горцев Северного Кавказа / подгот. текста и коммент. И. Л. Бабич; под общ. ред. А. С. Зайналабидова, В. В. Черноуса. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. Вып. 18.
22. Ламажаа Ч. К. Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1
23. Мусаев К. М. Родство и свойство // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006.
24. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.
25. Смирнова Я. С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция // Кавказский этнографический сборник / отв. ред. Н. Г. Волкова, В. К. Гарданов. М.: Наука, 1989. Вып. IX: Вопросы исторической этнографии Кавказа.
26. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.
27. Хачетлова С. М., Кулимова Р. Х. Аталычество и кадетство в системе воспитания (исторический аспект и современность) // Вестник педагогических наук. 2022. № 3.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (договор № 45) в рамках программы «Приоритет 2030».

EN The study was conducted with the financial support of an internal grant from the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov within the Priority 2030 Program (Agreement No. 45).

Информация об авторах | Author information

RU **Башиева Светлана Конакбиевна**[1], д. филол. н., проф.
Бахтикиреева Улданай Максутовна[2], д. филол. н., проф.
[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик
[2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик;
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

EN **Svetlana Konakbievna Bashieva**[1], Dr
Uldanai Maksutovna Bakhtikireeva[2], Dr
[1] Kabardino-Balkarian State University, Nalchik
[2] Kabardino-Balkarian State University, Nalchik;
Peoples' Friendship University of Russia,Moscow

[1] *bfo-pdo@mail.ru,* [2] *uldanai@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.08.2026; опубликовано online (published online): 23.09.2026.

Ключевые слова (keywords): концепт; карачаево-балкарская этнокультура; аталычество; вербальная репрезентация; когнитивный признак; культурный смысл; concept; Karachay-Balkarian ethnoculture; atalychestvo; verbal representation; cognitive feature; cultural meaning.